

ГЕРЖИДОВИЧ

ЛЕОНИДА

МАТЕРЬ

БЕРЕЗА

стихотворения

б/н

Поэтическая серия издается на средства
Кузбассоцбанка

857498

Леонид
ГЕРЖИДОВИЧ

МАТЕРЬ
 БЕРЕЗА

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
Г. БЕРЕЗОВСКИЙ

Кемерово
Издательство «Сибирский родняк»
1993

ББК 84.3Р7
Г 37

Г $\frac{4702010202-1}{\text{ЛР № 030182}}$ 93 Без объявл.

ISBN 5-8434-0013-1

© Гержидович Л., 1993 г.

Где-то в глухариной глухомани
За просветом выцветших берез
Одиноко в предрассветной рани
Обо мне тоскует тихий плес.
В нем, как льдинки, тихо стынют звезды.
Вкруг на километры — ни души.
Лёсы там не рассекают воздух,
Не ныряют лодки в камыши.
Тихий плес...
В урочищах таежных
Окаймленный густо в тальники,
Он затерян в чаще бездорожья
За изгибом сумрачной реки.
Но когда по задремавшим пихтам
Звездопад ударит проливной,
Тихий плес ко мне совсем не тихо
Прямо в душу плещется волной.
Словно от болезней исцеленье,
Кровь мою тревожно горяча,
Мне таймени, лунные таймени
Стали часто сниться по ночам.
Тихий плес...
Я знаю, в эту осень,
По песку печатая следы,

Из тайги к тебе выходят лоси
И стоят застывши у воды.
И в густой тиши речных излучин
Чудятся хозяевам тайги:
Всплески легких весел,
Скрип уключин
И мои чуть слышные шаги.

Дорога
Или
Углубил
Свой шаг

Давным давно в холодной ветхой школе,
Укутанной в заснеженную шаль,
В большом углу, как лодка на приколе,
Стоял разбитый, старенький рояль.

Сушились звуков трепетные весла.
Я их совсем не слышал и не знал,
Поскольку на рояле том из взрослых
Никто в ту пору, помню, не играл.

Он выглядел совсем не образцово,
Но как-то намечалось торжество;
От взрослых глаз, как от дождя косоного,
Я спрятался под днищем у него.

И закачавшись, раскололась школа,
И накренившись, ожил тихий зал.
Была лодчонка сорвана с прикола,
И я поплыл в неизвестную даль.

И плыл, и плыл я, взбалмошный мальчонка,
Стучали волны о корму взахлеб,
И по спине моей, под фуфайчонкой,
Бродил не то огонь, не то озноб.

А за стеной от частых похоронок
Проплаканный и от коптилок слеп
Дремал устало сумрачный поселок.
И снился людям в каждом доме хлеб.

И я не знал, что мне предназначался
Не голодом очерченный удел.
А школьный зал качался и качался,
И я в углу нахохлившись сидел.

И было далеко мне до причала.
Кружился танец, платьями шурша.
И плакала во мне и замирала
Во что-то посвященная душа.

Я пацаном шишкарил с «зечкой»,
С мешком смолистым на плече
Она за мной, как на уздечке,
Ходила в хмуром кедраче.
Нужда нас вместе повязала:
Штаны мне снились и портфель,
А ей голодные вокзалы
И мать за тридевять земель.
Ряба она и кособока,
Как без вершины карагач,
Из лагеря ее до срока
Сактировал тюремный врач.
За мной плелась походкой хилой,
И было непонятно мне:
Какая жизненная сила
Ее таскает по земле?
Однажды куль добротных шишек
Тайга нам выделила в дар.
Она в вагоне, я на крыше
С ней в город едем на базар.
Я до сих пор не понимаю,
Как мы смогли, не спавши ночь,
Оставив поезд, до трамвая
Наш груз нелегкий уволочь.

В трамвай с толпою цепкой кошкой
Она просунулась с мешком,
Я ж был оттиснут от подножки
Каким-то грубым мужиком.
Я исходил без передышки
Весь рынок вдоль и поперек...
Прощай, портфель, штаны-штанишки,
Она и денежный мешок.
Под вечер к поезду вериулся.
Босые ноги поиссек,
Скрипел зубами: «С кем стакнулся,
Кому поверил, дурачок».
И тихо плакал на вокзале,
Познав впервые силу зла.
Попутчики мне рассказали:
Она в трамвае умерла.

* * *

В неожиданный час
На перепутье
Твоя звезда с моей звездой,
Как две крутые капли ртути,
Слились
И сделались одной.
Теперь,
Как след мой на тропинке,
Как в горле звук,
Как в песне ритм,
Как солнце в утренней росинке,
Твоя звезда в моей горит.
И я
Над памятным предместьем,
Пробившись в каждое окно,
Хочу,
Чтоб долго-долго вместе
Они светили
Заодно.

* * *

К чему в простуженной трубе
Поленьев пенье?
Мне от тебя в своей избе
Не знать спасенья.
Здесь рамою полдневный свет
За горло схвачен,
И каждый видимый предмет
Тобой означен.
Дождусь, спасаясь, темноты,
Чтоб сердцу тише,
Дождем начнешь стучаться ты
По мертвой крыше.
И подступаешь, как прибой,
И стены рушишь,
Переполяются тобой
Глаза и уши.
От всеобъемлющей тебя
Мне не укрыться.
Журавль мой в небе...
А судьба —
В окне синица.

* * *

— Ухожу! —

Сказал я милой, —

Укорогу — поворот!

Обо мне собака выла

Возле тещиных ворот.

Ты не вой, моя собака,

Хвост торчком, за мной беги

Мимо бывшего сиблага

Прямо к сердцу Мар-тайги.

Там в урочище таежном

Я затратил много сил

И у речки дом надежный,

Как судьбу соорудил.

Мы свою отыщем долю.

Там в листве у диких вод

Про свободу и про волю

Песни иволга поет.

Не сгноит нас дождь и слякоть

И не выморозит снег.

Заживем с тобой, собака,

Ты — надежный человек!

* * *

Как сохатый длинноногий,
Шел я к лесу напрямик.
Белой кепкой от дороги
Помахал мне борщевик.

— Здравствуй, кореш незабвенный,
Я тебя забыть не мог:
В год меня
Послевоенный
Ты от голода сберег.

* * *

Воздух — мята. Травы — мед.
Пихтовая родина.
И зовет меня, зовет
Красная смородина.

В туюсок берестяной,
Как рубины-яхонты,
Вдоль тропиочки лесной
Собираю ягоды.

Пальцы — словно в кумаче.
Сок сочится с доньшка.
И букашка на плече
Красная, как солнышко.

Стал тяжелым туюсок —
Полон спелой ягоды.
Выхожу на бережок,
На песок агатовый.

Изгибается дугой
Тропка за колодиной.
Солнце стелется рекой,
Спелую смородиной.

* * *

Под легкими березками,
Средь зелени резной,
Кукушкиными слезками
Оплакан летний зной.

Давно ли за околицей
У елок и осин
Лесные колокольчики
Вызванивали синь?

Носились пчелы стрелами.
А ныне — примечай:
Набросил шубки белые
На плечи иван-чай.

Бреду по жухлым лютикам
И мне на песни прост
Осенние прелюдии
Высвистывает дрозд.

* * *

8/11

Чуть-чуть повыше корневища,
Где в дереве прогнил сучок,
Устроил вход в свое жилище
Смекалистый бурундучок.
И чтоб в своем дупле уютном
Голодной смертью не пропасть,
Он пополнял ежеминутно
К зиме ореховый запас.
Но как-то мимо по-над взгорью
Шел человек — шаги, как гром,
И дерево срубил под корень
Он расторопным топором.
Присев на корточки, без спешки
Прицыкнул на своих собак,
Собрал гремучие орешки
К себе в потрепанный рюкзак.
Свернул сигарку.
В сумрак редкий
Ушел. Качнулася лоза.
У пня застыли, как орехи,
Бурундучьи глаза.

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
Г. БЕРЕЗОВСКИЙ

С трубою черной на макушке
И с белой лайкой у дверей
В ложбине пряталась избушка
И в ней я жил в краю зверей.
Один до родниковой речки
С ведром тория трону в метель,
Рубил дрова, курил у печки
И сам стелил себе постель.
Во всем придерживался меры,
Себя любя и не любя,
И выгнздить пытался веру
Одну лишь — в самого себя.
Стреляя дичь по перевалам,
Я жил себе, как в ножнах нож,
И думал: с таким забралом
В тайге никак не пропадешь.
Мели снега и зори висли.
И я не ведал, что лыжней
Моя беда коварной рысью
Повсюду следует за мной.
Когда пургою ты захлестан
И рядом друга не видать,
Себя во всем совсем не просто
Боготворить иль презирать.

И стал мой сон, как призрак, зыбок.
И, просочась в мое жилье,
Ко мне вскочило на загривок
Уединение мое.
Оно нещадно издевалось,
Оно глумилось надо мной:
То тьмой полуночной шепталось,
То хохотало тишиной.
То, убегая за увалы,
Вело меня в кошмарный сон,
То вой метели превращало
В пронзительный трамвайный звон.
И я, как пойманный, метался,
И был придавлен я и сир,
А где-то плакал и смеялся
Так просто брошенный мной мир.
И за спиною дверь вздыхала,
И был готов бежать я в ночь.
И лайка руки мне лизала,
Не зная в чем и как помочь.

* * *

Тихо по угору
Из-под стылых лоз
Дни полезли в гору,
Солнце — на мороз.

Отмечая Святки,
В зарослях низин
Зайцы, грея пятки,
Пляшут у осин.

Метя пни и елки,
Дружно под скулеж
Зачинают волки
Свадебный кутеж.

У привады кукуша
Обжила шесток.
...Все идет, как нужно,
Не горюй, дружок...

* * *

Ух, давай, подруга-пихта,
Посидим с тобой чуток.
Ты на холоде притихла,
Я — до ниточки промок.
В куржаке лицо и плечи
И ружье схватило льдом,
Надо мной, как жар над печью,
Пар колышется столбом.
Где-то там в логу сохатый
Из последних тоже сил
Чутко уши, как лопаты,
Отдыхая, наострил.
Я весь день за ним гонялся,
Не хватило, жалко, дня,
Зверь сегодня оказался
Попроворнее меня.

* * *

В лиялой бусой маечке,
Когда метель мела,
Со мной синица-гаечка
Под пихтами жила.

Вертлявая, как девочка,
Писклявый голосок.
Ее я за доверчивость
Подкармливал, чем мог.

Я рад был крохе маленькой,
С охоты приходя,
Мороз коробил валенки,
Дымилася нодья.

Сидел я, плечи кутая,
Она пищала: «Вить!»
Со мною стужу лютую
Пытаясь разделить.

И в этой дикой снежности
От дома вдалеке
Так много было нежности
В писклявом голоске.

* * *

Где в Яю летом Барыня
Вбегала впоныхах,
На льду сижу я барином
В тулупе и пимах.

Пусть холодно, да только мне
Обидеться нельзя:
Из лунки лезут окуни —
Бояре да князья.

От старости горбатые,
Колючие — не тронь.
Костюмы полосатые,
Застежки, как огонь.

На кончике удильника
Танцует сторожок,
Как ночью у светильника
Мохнатый мотылек.

И чтоб в подсечке выгодно
Сработала рука,
Костер у лунки прыгает —
Мне преданный слуга.

Мне сегодня в снегах перелесья,
Как негаданный выдох иль сон,
Небывалая слышалась песня,
Доносился неведомый звон.

В нем я слышал миров колыханье,
Детский ленет в родимом краю,
И любовь, и благие желанья
Переподняли душу мою.

Заливались серебряно трубы,
Восклицала торжественно медь...
Дикий лось целовал меня в губы,
Улыбался по-братски медведь.

По-ребячьи барахтался воздух
На просторе уснувшей курьи,
По сугробам горячие звезды
Натыкались на лыжи мои.

Грудь распахивал лес многолицый,
И, ликуя,
Из дальней дали
Прилетали ко мне
Не синицы —
Журавли, журавли, журавли!

* * *

За корявыми деревьями
Зимних утренников трель:
Колокольчиком серебряным
Тронул воздух свистель.

Душу песенка негромкая
Переполнила хитро,
Будто кто-то льдинки тонкие
Ссыпал в звонкое ведро.

Загадав дорогу дальнюю,
Этот птичий бубенец
Тихой музыкой прощальнойю
Отзвонил зиме коней.

Холодным утром,
Горделив и дик,
Пробившись из-под снежного покрова,
Одетый в панцирь инея кандык
Безропотно ждет солнышка дневного.

И ветреницы
Гибельную ночь
Переживают дрожью на опушке,
Смежив ресницы белые,
Точь-в-точь
Сгибаются,
Как в забытьи старушки.

Но солнце лишь
Сквозь елей бахрому
Просветится узорной паутинкой,
Цветы, привстав,
Потянутся к нему
И рассмеются
Каждою тычинкой.

Принимаю всякую травинку,
Понимаю волка и лису.
И без дела малую былинку
Не сомну в обжиге мной лесу.

Добрая и близкая родня мы:
Я, и ель, и зяблик, и карась, —
В этой грозной жизни между нами
Крепкая легла взаимосвязь.

День заблещет — радуйся и смейся,
Боль подступит — не роняй слезы:
Значит, в этот час для равновесья
Чья-то радость встала на весы.

Прохожу по солнечной тропинке
В золотом обветренном лесу,
Понимая каждую травинку,
Принимая волка и лису.

Верю: никогда не будет тесно
Нам под общей крышей бытия,
Друг у друга не огнем места —
Зяблик, и карась, и ель, и я.

* * *

Под этим небом древним
Живу не тела для...
Извечные деревья
Мои учителя.
Береза гонит соки,
Осина нижет пух,
Чтоб мудрый и высокий
В меня всеялся дух.

* * *

В ивняк, в безжизненные нивы
Бичом не выстрелит пастух.
Над яркой кипенью крапивы
Торчат остатки развальных.

Когда-то здесь на всю деревню
Пел разудалый гармонист,
Судьба его вош с тех деревьев
Последний обронила лист.

Печаль и скорбь легли открыто
На лес, на речку, на поля.
Людьми и Богом позабыта
Под солнцем кукутся земля.

У незатейливых растений
Вокруг меня со всех сторон
Толпятся сумрачные тени
Давно прошедших похорон.

И страшно мне брести дорогой
В сиротство брошенных лугов,
Былые души ненароком
Тревожить поступью шагов.

* * *

От мира на отколе
Уже который год
В деревне Дуднев Коля
Зажиточно живет.

Есть найденная ложка
И скупердяйский хлеб,
Луна глядит в окошко,
Чтоб ночью не ослеп.

В метели и морозы
Он не сидит в углу —
Окрестные березы
Изводит на метлу.

Утрами он на солнце
Глядит из-под стрехи
И хрусткие червонцы
Слагает, как стихи.

Затем под половицу
Их прячет, словно крот,
Им долго там томиться —
Пока он не помрет.

Хочешь — нет, а привечай-ка!
Полночь бродит по селу...
Приютила нас хозяйка,
Постелила на полу.

И своей отдавшись думе,
Уронив печально взгляд,
Лишь сказала: «Мой-то умер.
Схоронила год назад.

Был такой же непоседа.
Без тайги не мог ни дня.
Шел за выдрюю по следу —
Изловила полынья».

Свет потух.
Затихло в доме.
Лишь по-жалобному,
Всхлип
Нам сверчок о вдовьей доле
Бился в души: скрип да скрип.

За окошком месяц, вспыхнув,
Свет разлил по городьбе.
И лежали мы, притихнув,
В покосившейся избе.

* * *

У дома по старинке
Дорогой через лес
Мне улыбнется Нинка —
Хозяйка здешних мест.

Глаза, как у косули,
На слово, ох, остра!
А губы словно угли
Таежного костра.

Рядками травы лягут,
Сенцом пахнет с низин,
У нас — немного ягод,
У ней — не счесть корзин.

В ограду под березы
Натащит коробов —
На лошади к промхозу
Не вывезти грибов.

Дочурку, словно белку,
Усадит на заплот,
В рот вложит карамельку
И песенку споет.

Листва усыплет взгорюк,
И раньше всех дворов
Ее бедует дворик
Поленицею дров.

Наноит коровенку,
С гряды огурчик съест
И куриц поименно
Покличет на насест.

Сохатины немного
Метает в чугуи варить
И крикнет мне с порога:
— Зайди поговорить!

* * *

Дом на взгорье. Трубастая баня.
Да тропинка размотана вниз.
И над ними, как миг мирозданья,
Крик неведомой птицы завис.

Величавый кедрач над речушкой
Пеленой неподвижной обвит.
Лишь над камнем вода завитушкой
Обозначить себя норовит.

Отсоцветилось время находок.
Дело осени — только терять.
Волевому предзимью природа
Уступает последнюю пядь.

Стынет воздух. Густеет водица.
Скоро, скоро ей стыть подо льдом.
Все пройдет.
Но потом повторится
Этот лес, этот крик, этот дом.

✧ ✧ ✧

Травы стелются коврово,
Я ж взобрался высоко:
До чего люблю кедровое
Парное молоко!

Изрубцованным вальком
С шишек вылушу орешки,
Истолку в ведре полешком
И разбавлю родником.

Как напьюсь я молока, —
Сразу сил прибавится.
Будто кедры,
В облака
Плечи упираются.

Шишка спрятана в дупле,
Белка хвостик свесила.
И шагать мне по земле
И легко, и весело.

* * *

Ветки над тропкой нависли,
Выше — простор ветерку.
С ведрами на коромысле
Я прихожу к роднику.

Здравствуй, искристая влага,
Скрытая хвойной иглой!
Сердцу нет лучшего блага —
Слиться с отцовской землей.

Вижу густые, родные
Ели в раздолье теней —
Это хоромы резные
Жизни протестской моей.

Утром для счастья немножко
Надо в таежном дому:
Был бы родник да дорожка
Через пихтовник к нему.

* * *

Посмотреть —
Легко и просто,
Как усевшись на пенек,
Мой товарищ из бересты
Смастерил мне
Туесок.
От березовой болванки
Без особых, вроде, сил
Он черемуховой дранкой
Ловко шкуру отделил.
На другой —
После затирки
Он нарезал якоря,
Вдел их в ровненькие дырки,
Ничего не говоря.
Из кедровой плашки донце
Обстрогал и закруглил
И, как маленькое солнце,
Вниз с усилием вдавил.
Крышку — этим же макаром.
И — готово.
Что за вид!
«Получай изделие даром
И любуйся!» —
Говорит.

* * *

Там, где волнушки да белянки
Я собираю каждый год,
Раскрылась бледная поганка,
Чуть дышит: дунь — и упадет.
Казалось бы — ну что такого? —
Обычный гриб, простой наряд...
Но для всего она
Живого
Таит в себе
Смертельный яд.

Когда ушла в спасенье вера
И в шепот превратился крик,
На чуть живого браконьера
Наткнулся пасечник-старик.
И отшатнулся оробело,
Потом склонился:
— Вроде Стас?
Чернело кочкой обгорелой
Лицо с брусничным цветом глаз.
И тот по голосу дедулю
Признал, подняв лицо свое:
— Дед, помоги,
Стрелял косулю,
Да разнесло к чертям ружье.
— Уж не с того ль, что, как сорока,
В тайге проказить ты привык,
Так наказал тебя жестоко
Твой распоганный дробовик?
Добро б какой ни есть острожник,
А то, бишь, деревенский ведь...
Ты даже пчел моих, безбожник,
Зорил не раз, как тот медведь.
А ну вставай, идем в сторожку...
И там, стянув кислотку с плеч,

•

Слепого уложил к окошку
И растопил берестой печь.
И поспешая — дело к ночи —
Пучки на полке перебрав,
Сварил он снадобье из почек,
Из меда и душистых трав.
Дал смеси настояться в меру,
И покрестясь на образа,
Отвар целебный браконьеру
Влил в обожженные глаза.
Стеная и скуля от боли,
Тот прохрипел чуть слышно:
— Пить...
Старик принес воды и молвил:
— Теперь прозреешь, может быть...

* * *

Тьма низине заболоченной
Платит звездами оброк,
Да летает перепончатый
Надо мной ночной зверек,
За ломьем в полях не скошенных
Филин ухает во тьму.
Здесь в краю людьми заброшенном
Быть спокойней одному.

Смоляною веткой пыхая,
Оживает костерок.
Он поможет мне над пихтами
Оживить зарей восток.
И всю боль, что сердце мучает
И так давит тяжело,
Ранним утроммышь летучая
Унесет с собой в дупло.

У смурной тропы варнак
Прятался с обрезом.
Ой, ты, речка Туганак,
Помнишь ли об этом?
Над костями золотарей —
Как гласят поверья —
По ночам поет пырей
Да скрипят деревья.

В эти дебри, как сморчок,
Обсушить мозоли
Был поселен мужичок
Не по доброй воле,
Чтоб одумался, кулак,
Да не взвидел света...
Туганак мой, Туганак,
Помнишь ли про это?
А мужик опять, как бес,
День забыв вчерашний,
Топором раздвинул лес
И засеял пашню.
Встал колхоз, потом исеяк,
И домов-то нету.
Туганак мой, Туганак,
Помнишь ли про это?

А затем к тебе в пыли
Горемычным строем,
Будто тени, прибрели
Люди под конвоем.
Кашлем рвались голоса
В комариных тучах.
Расквადратились леса
Проволкой колючей.
Подчинялась силе злой
Горевая доля:
Кубатурой да пилой
Откупалась воля.
Полегла тайга, как враг,
Стало вдоволь света.
Туганак мой, Туганак,
Помнишь ли про это?

А теперь, который год,
У костров ночуя,
Вдоль твоих безлюдных вод
Я один кочую.
И взволнованная грудь
Тонет в укориэне:
Не могу я вникнуть в суть
Скоротечной жизни.
И ко многому никак
Не примкну с ответом,
Туганак мой, Туганак,
Помоги мне в этом.

* * *

Соснячок у тронки болен,
Хвойной силой поиссяк.
Итичьим криком обездолен
И пихтач, и березняк.

Утка дикая в испуге
Не взметнется от воды.
Даже вымерли в округе
Вездесущие дрозды.

Как в чахотке, на поляне
Никнет, выбившись едва,
Под чумазами дождями
Конопатая трава.

Лес зачах и обескрылел,
Как бесправник в кабале...
Что мы, люди, натворили
На своей родной земле!?

Я стою, как злой изменник
Трав и леса.
А у ног
Стынет мертвый муравейник,
Как могильный бугорок.

* * *

На березу оробело
Загляделся я в ночи:
То ль береза в кофге белой,
То ль в бересте для печи?
Я любых держался правил,
Тем и этим обуян,
На зверей ловушки ставил —
Сам себя поймал в капкан.

Шел под гору, шел я в кручу
По родимой стороне,
Пихта лапою колючей
Придавила сердце мне.
Мне бы выбраться из леса,
Жизнь бродячую кляня,
Только нету интереса
Кроме леса у меня.

Только нету интереса...
А какой тут интерес,
Коль с котомкой Геркулеса
Я вошел в богатый лес?
Птица в небе верещала,
Обещала барыши.

Только сердце обнищало,
Нет простора для души.

Я смотрю остолбенело
В заблудившейся ночи
На березу в кофте белой,
На бересту для печи...

Индееет лицо от мороза
И скользит между сучьев нога...
Ты прости меня, мать-береза;
Раздеваю тебя до нага.

Топориным размеренным стуком
Оглашаю окрестный лесок.
На метлу обрублю твои руки —
Заработаю хлеба кусок.

Ты прости, не выходит иначе.
Возмуться и обрушь меня вниз.
Ты весной каждой раной оплачешь
Эту нашу совместную жизнь.

Ты оплачешь мое безрассудство,
Мой кощунственный хлеб на столе,
Все деянья, лишённые чувства,
На поруганной мною земле.

Льдом в снега поосыпал я слезы,
Вьюговьем заглушило мой плач..
Ты прости меня, мать-береза,
Я сегодня твой подлый палач.

По-над нами суровые тучи
Злыми лбами упрутся в зарю...
На метлу обрублю твои сучья,
У вершины топор усмирю.

Будешь в трепете ты невеселом
Возвышаться уродливо ввысь
И являть своим остовом голым
Всю мою несуразную жизнь.

* * *

Пес блохастый мой, Костер, стрельчатые уши,
Дай, прижму тебя к груди, отогрей мне душу.

Мускулист и крепкогруд, рыжий, хвост колечком,
Что ты смотришь на меня, как дурак на печку?

Ты совсем, как человек, преданный служака,
Да и я с тобою, пес, ласков, как собака.

Что пришлось нам испытать в хваткие морозы, —
Не расскажут никому ели да березы.

Сколько птицы и зверья ты облаял в чащах!
Сколько шкурок дорогих набивал я в ящик!

Но в таежной маяте, по горам покатым,
Ты не вылинял от блох, я — не стал богатым.

В снежных хлопьях на ветру бьется наша доля.
Распласталось впереди сумрачное поле.

А за полем, через бор, в никуда дорога...
Разведем-ка мы костер. Посидим немного.

* * *

Надоело, на фиг,
Коромысла гнуть!
К Лыковой Агафье
Что ли мотануть?

Тоже горемыка
Пресну воду пьет,
Где-то свое лыко
Средь тайги дерет.

С ней годами вровень,
Вроде не старик,
Я, едрена корень,
Тоже лесовик!

Бороду взьерошу
У ее жилья,
С плеч котомку сброшу:
«Вот, скажу, и я».

Радоваться нехрен, —
Не утешить плоть.
Молвит: «Что за нехристь?..
Упаси, Господь!

Без креста на теле...
Изыди, свят-свят!
Непотребство мелет...
Что ни слово — мат...»

На Руси смещенной
Со своих небес,
Вправду не крещеный
Я живу, как бес.

Не сыскал невесты,
Не нажил палат,
Радуюсь — не к месту,
Плачу — невпопад.

Чтоб с нужды не спиться
И не льстить врагу,
Я, как в рукавицу,
Занырнул в тайгу.

Под сиротской высью
Впору волком выть...
Сяду, поразмыслю,
Как мне дале жить.

Как душе в угоду
К бабе по пути
Приобщенье к Богу
Отыскать-найги...

* * *

Я скажу: — Орся-Морсей! —

Так, для интереса,
Сразу тысяча лосей
Прибежит из леса.

Рявкнут: — Здравствуй, Алексей,
Что, хозяин, надо?

Я скажу: — Орся-Морсей, —
И исчезнет стадо.

Я скажу: — Орся-Морсей! —
Так, для интереса,
Выйдет мячика лысей
Выкормыш прогресса,
Тощий, страшный, как Кощей,
Так ему и надо!

Я скажу: — Орся-Морсей! —
И заплачет чадо.

Я скажу: — Орся-Морсей! —

Так, для интереса,
С обходительностью всей
Выйдешь ты, принцесса.

Скажешь: — К черту, Алексей!
Дудки, — не обманешь!

Я скажу: — Орся-Морсей! —
И моей ты станешь.

* * *

Полопалися почки,
Ласкает зелень взгляд.
Пчелиные звоночки
Мне душу веселят.

Тенистый за увалом
Последний снег исчез.
Прорехи и прогалы
Зашторивает лес.

Цветастая опушка
Обновою горит,
И махоньякая мушка
Мне щеку щекотит.

* * *

У почкастой, разбуженной ивы,
Где пчела обновляет облет,
Пряным выплеском нежной крапивы
Я люблю обжигать себе рот.

А у серой пузырчатой кочки,
Прелый лист разбуравив у ног,
Хорошо, сполоснув в ручеечке,
Пожевать кандыка корешок.

За валежным обрывом, у края,
Где ручей безумолчно речист,
Дышит соком колба молодая,
Чуть пустившая стрелчатый лист.

* * *

Птицы пзвили рано
Песни до небес.
Загляни, Татьяна,
В мой оживший лес.
Здесь цветом прошила
Выпасы весна
И зверят лишила
Отдыха и сна.

Где в морозный лютень
Сыпался куржак,
Что девичьи груди,
Зреет березняк.
Лопаются почки
Смело, как стручки,
Обживают кочки
Кряквы и чирки.

Запахи черемух...
Горькое смолье...
Все мне здесь знакомо,
Все вокруг — свое.
Только без изъяна
Не бывает все ж...

Как ты там, Татьяна,
В городе живешь?

Вдалеке неярким лаком
Сосны выкрасят восток,
И костер наш, как собака,
Будет ластиться у ног.

Полнеба заселяя крышей,
Разбросив ветви вверх и вширь,
На треть других деревьев выше
Шумит таежный богатырь.

К нему спешат и зверь, и птица,
Горя глазами в полумгле,
Без кедра им не прокормиться
На этой нищенской земле.

Когда по чащам сумрак реет,
И жизнь таежная не мед,
Он всех озябших отогреет
И заблудившихся спасет.

Никак нельзя ему иначе.
Он и при солнце, и во мгле
Как бы судьбой своей назначен
Стоять для слабых на земле.

Навсегда я позабуду
 О своем таежном крае.
 Буду жить, как сивый мерин,
 Не заботясь ни о чем.
 Заведу себе корову,
 Ею душу обласкаю,
 Чтоб мозги мои пропахли
 Ароматным молоком.

Все друзья мои, подруги
 Позабудут о поэте,
 Что слагал стихи о лесе
 И болел за отчий край.
 Ну и пусть.
 А я под праздник
 Загляну к соседу Феде,
 Тяпну стопку самогона
 Во дворе под песий лай.

Тяпну стопку самогона
 И огурчик суну в зубы,
 И скажу за самокруткой
Самосада-табака,
 Что леса во всей округе
 Изрубили лесорубы,
 Ну а я в стихах и песнях
 Провалил лишь дурака.

* * *

Проезжающим на зависть
Над дорогой столбовой
Мы с тобою целовались
Между небом и землей.

А над нами, а над нами
Зоревые облака,
А под нами, а под нами
Необъятная тайга.

Ярким охряным убранством
Осень выстлала холсты,
Опьянила нас пространством
И восторгом высоты.

Ах, как высоко взобрались
Мы с тобою на маяк!
Ах, как сладко целовались!
Мне б хотелось вечно так:

Целоваться, целоваться
С долгожданною, с тобой,
И все время оставаться
Между небом и землей.

СОДЕРЖАНИЕ

«Где-то в глухаринной глухомани...»	5
«Давным-давно в холодной ветхой школе...»	7
«Я пацаном шишкарил с «зечкой»...	9
«В неожиданный час...»	11
«К чему в простуженной трубе...»	12
«— Ухожу!..»	13
«Как сохатый длинноногий...»	14
«Воздух — мята...»	15
«Под легкими березками...»	16
«Чуть-чуть повыше корневища...»	17
«С трубою черной на макушке...»	18
«Тихо по угору...»	20
«Ух, давай, подруга-лихта...»	21
«В линиялой бусой масчке...»	22
«Где в Яю летом Барыня...»	23
«Мне сегодня в снегах перелесья...»	24
«За корявыми деревьями...»	25
«Холодным утром...»	26
«Принимаю всякую травинку...»	27
«Под этим небом древним...»	28
«В ивняк, в безжизненные нивы...»	29
«От мира на отколе...»	30
«Хочешь — нет, а привечай-ка!..»	31
«У дома по старинке...»	32

«Дом на взгорье...»	34
«Травы стелятся коврово...»	35
«Ветки над тропкой нависли...»	36
«Посмотреть...»	37
«Там, где волнушки да белянки...»	38
«Когда ушла в спасенье вера...»	39
«Тьма низине заболоченной...»	41
«У смурной тропы вариак...»	42
«Соснячок у тропки болен...»	44
«На березу оробело...»	45
«Индевет лицо от мороза...»	47
«Пес блохастый мой, Костер...»	49
«Надоело, на фиг...»	50
«Я скажу: — Орся-Морсей!..»	52
«Полопались почки...»	53
«У почкастой, разбуженной ивы...»	54
«Птицы взвили рано...»	55
«Пусть ладони загубели...»	56
«Полнеба заселяя крышей...»	58
«Навсегда я позабуду...»	59
«Проезжающим на зависть...»	60
«Всю ночь глухую на рысах...»	61

Литературно-художественное издание

Гержидович Леонид

Мать Береза

Стихотворения

Редактор **С. Л. Донбай**

Художник **В. П. Кравчук**

Технический редактор **Г. Н. Манохина**

Сдано в набор 24.03.93 г. Подписано к печати 27.08.93 г. Формат 60×84 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 1,86. Усл. кр.-отт. 1,92. Уч.-изд. л. 1,7. Тираж 1200 экз. Заказ 822. Цена договорная.

Издательство «Сибирский родник»,
650099, г. Кемерово, пр-кт Кузнецкий, 25.
650020, г. Кемерово, ул. Н. Островского, 17.
Типография УВД.

РОДНИК
СИБИРСКИЙ

КЕМЕРОВО